

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА

«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ □ 1924

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Философская эволюция Маркса, посмертная рукопись с предисловием Л. Аксельрод (Ортодокс)	5
<i>В. И. Засулич.</i> —Нечаевское дело, посмертная рукопись с прим. А. И. Успенской и Л. Г. Дейча	22
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Был ли Нечаев гениален?	73
<i>П. Б. Аксельрод.</i> —О задачах научно-социалистической литературы («письмо к товарищам»)	87
<i>О. Нельский.</i> —Движение русской общественной мысли от идеализма к марксизму (Белинский—Чернышевский—Плеханов)	103

<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из Кариийских тетрадей: I. Жизнь Плеханова в Бэжи над Клараном; II. Переговоры с «придворными сферами»	119
<i>М. Рыжанская.</i> —Первый реферат Плеханова в Цюрихе	145
<i>М. Вископф.</i> —Члены группы «Освобождение Труда»	149
<i>Ц. С. Гуревич-Мартыновская.</i> —Знакомство с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич	160
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Эмигранты и наивный миротворец (из встреч с членами группы «Осв. Тр.»)	168
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Аарон Зунделевич (один из первых социал-демократов в России)	185

ПИСЬМА:

<i>Л. Дейч и В. Засулич.</i> —Плехановым	217
<i>В. И. Засулич.</i> —К. Марксу	220
<i>К. Маркс.</i> —В. Засулич	222
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Г. В. Плеханову	225
<i>Л. Г. Дейч.</i> —В. И. Засулич и остальным членам группы «Освоб. Труда» (из тюрем, каторги и ссылки)	227
<i>Г. В. Плеханов и Ф. Энгельс.</i> Переписка, с предисл. Л. Дейча.	306

Ц. С. ГУРЕВИЧ-МАРТЫНОВСКАЯ

ЗНАКОМСТВО С Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ И В. И. ЗАСУЛИЧ

Весной 1886 года кружок Благоева, к которому я примыкала, сообщил в Женеву группе «Освобод. Труда», что я приеду к ним «на выучку», при этом просил оказать мне содействие в выработке научного мировоззрения. Моя поездка несколько затянулась по полицейским условиям, и я приехала в Женеву лишь осенью того года.

Остановившись в гостинице, я пошла в русскую библиотеку, чтобы узнать адрес В. И. Засулич. Но ни библиотекарь, ни члены русской колонии, которых я там застала, не могли дать мне ее адреса, а указали местопребывание Георгия Валентиновича, к которому я тотчас же и отправилась.

С некоторым волнением подходила я к находившемуся на окраине города дому, на втором этаже которого жил Плеханов, занимая маленькую квартиру из двух комнат и кухни. Георгий Вал. встретил меня очень ласково, познакомил с женой, Розалией Марковной, и двумя маленькими дочурками 5 и 4 лет, очень плохо говорившими по-русски. Увидев на моем лице выражение удивления, Г. В. объяснил, что дети посещают детский сад и по-русски еще не учатся. Г. В. сказал, что они давно и с нетерпением меня поджидали и уже опасались, не случилось ли что-нибудь неладное со мною на границе. Затем, попросив меня посидеть в его комнате, он стал на кухне приводить себя в порядок, — чистить ботинки, пиджак и пр., чтобы вместе со мною пойти к В. Ив. Засулич.

Первое, что бросалось в глаза в их квартире — бедность обстановки: простые деревянные столы без скатертей, несколько стульев, железные кровати, прикрытые дешевыми одеялами, но вдоль стен в его комнате были полки с массой книг, которые я, в ожидании его прихода, стала рассматривать. Там имелись сочинения по самым разнообразным отраслям, — по естественным наукам, геологии, астрономии, по общественным вопросам, истории, философии, первобытным учреждениям и т. д., книги — на разных языках, но особенно много русских статистических сборников. Не успела я осмотреть незначительной части этих книг, как явился Г. В., и мы пошли к Вере Ивановне.

Пройдя несколько кварталов и мост через Арву, мы остановились на набережной у небольшого двухэтажного дома, в мансарде которого она и жила. Ее обстановка была еще более убогая: белый стол был завален книгами, тетрадами и массой окурков, на подоконнике стояла спиртовка с кофейником, из которого через четверть часа Вера Ивановна уже поила нас горячим черным кофе. При этом она и Г. В. с большим интересом расспрашивали меня о России, о современной молодежи, о наших занятиях с рабочими, о выпущенной кружком газете «Русский Рабочий», второй № которой вышел перед моим отъездом из Петербурга. Наша беседа незаметно затянулась до вечера, и я попрощалась с этими бывшими мне уже давно дорогими товарищами.

Хотя имевшиеся у меня значительные пробелы в марксизме не могли не проявиться при нашем первом знакомстве, но Плеханов и Засулич, видимо, остались мною довольны: Георгий Валентинович, между прочим, потому, что, как он сказал, ему было приятно слышать чисто русскую речь, так как я урожденная москвичка, а Вере Ивановне я напомнила тип прежней студентки с нигилистическим оттенком, которого она не встречала среди местной молодежи.

В один из ближайших дней я вновь пошла к Георгию Вал., чтобы поговорить о своих занятиях для подготовки к будущей деятельности пропагандистки среди рабочих, так как мои первые шаги в этом направлении в Питере не удовлетворили меня. Идя в рабочий кружок, я заранее составляла план своей беседы по политико-экономическим вопросам. Но во время бесед, — жаловалась я Г. В-чу, — ра-

бочие задавали мне ряд вопросов из других, самых разнообразных отраслей знания, на которые я не могла давать им ясные и исчерпывающие ответы.

Выслушав меня очень внимательно, Г. В. сказал:

— Не огорчайтесь, — мы заполним все ваши пробелы, и вы вернетесь в Россию вполне подготовленной пропагандисткой.

На первый раз он снабдил меня своими книгами на французском и русском языках, помню, по истории возникновения вселенной. Когда я их вернула, он дал мне книги по геологии и — уже много спустя — о доисторическом человеке. В таких моих занятиях прошла вся зима.

В это время в семье Плехановых произошла большая тревога: обе девочки заболели тяжелой формой брюшного тифа, и родители выбивались из сил, чтобы спасти их. Розалия Марковна перестала ходить в университет, где она была уже на 4-м курсе медицинского факультета, Г. В. забросил свои занятия и все время был озабочен добыванием денег на лекарства и питание детей. Я предложила свои услуги в качестве сиделки и тут имела случай ближе узнать их обоих.

Между тем как Г. В. усиленно работал над разрешением проклятых русских вопросов, Р. М. стремилась получить диплом врача, чтобы снять с него заботы о материальном обеспечении семьи: в России Роз. Марк. была уже на 5-м курсе медицинского института, когда ей пришлось для избежания ареста скрыться, после чего она также эмигрировала за границу. В швейцарских университетах не признали ее петербургских зачетов, и ей пришлось вновь поступить чуть не на 1 курс.

Когда дети были уже вне опасности, я от усталости или чего другого сама слегла и не являлась к Плехановым в течение нескольких дней. Застав меня в постели, Г. В. очень встревожился: он думал, что я заразилась от детей тифом. Мне с трудом удалось успокоить его и отговорить от приглашения врача.

Не взирая на все житейские невзгоды, Г. В. был жизнерадостен и всегда поглощен идейными интересами. Нередкость образованный, находчивый и остроумный, он являлся очаровательным собеседником. Он любил цитиро-

вать — и всегда кстати — Пушкина, Щедрина и Успенского, которых высоко ценил.

Впервые в Женеве мне пришлось слышать его публичное выступление на чествовании 1 марта в 1887 году, когда собралась вместе вся сочувствовавшая революционному движению русская колония и старые эмигранты. В числе ораторов был и Драгоманов. Выступил и Георгий Валентинович: как содержанием речи по оценке деятельности народо-вольцев, так и огромным ораторским талантом он произвел чрезвычайно сильное впечатление на многих, а на меня в особенности: пигмеями, помню, показались мне все остальные ораторы, по сравнению с ним.

Однажды я сказала ему, что его чересчур резко-полемический тон в устных и печатных выступлениях мешает публике объективно отнестись к вполне правильной постановке вопроса и что вследствие этого ряды наши очень медленно пополняются выходцами из народнической среды. На это Г. В. возразил, что те, с которыми он полемизирует, заслуживают еще более резкой критики, что Христос в своих проповедях куда сильнее нападал на своих противников, даже прямо ругал их. — «Так почему же — сказал он, — вы от меня требуете большей корректности, чем та, которую проявлял этот признаваемый святым человек?»

В то время Плехановы жили очень уединенно: кроме Веры Ивановны, я почти никого у них не встречала. Изредка лишь забегал эмигрант новейшей формации, человек случайный в революции, бонвиван¹⁾, к тому же крайне ограниченный, — один из тех, про которых старик Жуковский говаривал: «Какие это эмигранты: пригрозил городской пальцем — они и бежали за границу!».

На мой вопрос, что связывает Георгия Валент. с этим Д-ч, он сказал со смехом: «У меня, знаете ли, иногда является потребность послушать явного дурака, это бывает забавно!».

¹⁾ Это был эмигрант Петров (псевдоним — Долевич), вовсе не являвшийся «крайне ограниченным». По сообщению Г. В., никто другой не действовал на него столь развлекающе, после сильных умственных напряжений, как этот бонвиван своими шутками, анекдотами и т. п.

Среди старых эмигрантов распространился слух о предстоящем приезде в Швейцарию Энгельса, с которым тогда только Вера Ивановна состояла в переписке, но лично еще никто из членов группы «Освобождение Труда» не был знаком. Вот настало 1 апреля 1887 года. У меня явилось желание по этому случаю обмануть Георгия Валент. Прибежав к нему, я сказала: «Сейчас встретила немецких геноссе ¹⁾, — они просили вам передать, что Энгельс приехал и ждет вас к себе». (В это время в Женеве проживало несколько видных немецких эмигрантов, которые должны были уехать из Германии после введения там исключительного закона против социалистов.)

Георгий Валентинович страшно заволновался: он немедленно сообщил об этом Розалии Марковне, тотчас попросил ее пришить к его порядком уже поношенной шляпе ободок, который предательски оставался на голове, когда шляпа снималась для приветствия. Затем, тщательнее обыкновенного почистив свой пиджак и рваные ботинки, Георгий Валент. предложил мне вместе с ним зайти к Вере Ивановне, чтобы и ей сообщить об этой радостной весте.

Это вовсе не входило в мой план: я могла себе позволить такую шутку с ним, который так часто потешался над другими, но никак не решилась бы прибегнуть к этому по отношению такой скромной, всегда очень серьезной и с первого взгляда казавшейся даже угрюмой Веры Ивановны. Но теперь уже нужно было довести выдумку до конца.

Когда В. Иван. узнала об этой новости, то также пришла в сильное волнение и стала торопить «Жоржа» скорее идти туда.

Георг. Валент. помчался, но когда он пробежал несколько домов, я крикнула ему с балкона: «Сегодня первое апреля!».

Лица обоих омрачились, и мне стало жалко, что я затеяла эту ребячью выходку.

. * *

Приходили месяцы, а я все продолжала заниматься по намеченной Георгием Валентиновичем программе, но к изучению политической экономии я все не приступала. В русской

¹⁾ Т.-е. товарищей, социал-дем.

библиотеке я прочитала всю нелегальщину, вела по поводу прочитанного беседы со своими руководителями, но это, так сказать, делалось между прочим, независимо и как бы вне программы. Терпение мое иссякло. В России последняя попытка молодых народовольцев 1 марта 1887 г. потерпела неудачу. Некоторые, привлеченные по делу Ульянова, Генералова и других, но успевшие скрыться, участники покушения на Александра III приехали в Женеву. Это были молодые активные революционеры, с которыми мне как марксистке приходилось полемизировать на собраниях молодежи, а самого-то Маркса я еще не читала. Вышло не ладно, и я возроптала, апеллируя к Вере Ивановне.

— Что же это такое, — занимаюсь под руководством Георгия Валентиновича так давно, а дошла только до Адама, ведь от него до Маркса дистанция огромного размера! Когда же я закончу свое образование?

Решили мы с ней так: под руководством Георгия Валентиновича я буду продолжать занятия в прежнем порядке, а Вера Ивановна будет мне помогать при изучении Маркса. Составили кружок из 5 человек: две студентки — Вайнтриб и Ливенсон (впоследствии арестованные и просидевшие долго в тюрьме со мною по одному делу), киевский рабочий Райчин и студент Петербургского университета Говорухин, изготовлявший вместе с Генераловым бомбы для дела 1 марта 1887 года.

Руководство В. Ив. нашим кружком было довольно оригинальное: она никогда не присутствовала при наших занятиях, а возникавшие у нас споры по тем или другим вопросам я выясняла с ней с глазу на глаз. Вследствие чрезвычайной скромности и застенчивости В. Ив. никогда не заходила ко мне, не убедившись предварительно, что у меня никого нет. Иногда квартирная хозяйка сообщала мне, что заходила г-жа Бельдинская (под этой фамилией она тогда проживала в Женеве) и, узнав, что у меня гости, не хотела меня отвлекать. Не раз она жаловалась мне: «Не могу я с молодежью якшаться—сознаю, что это нужно, но никак не могу заставить себя. На этот счет у нас Евгений был горазд (так называли члены группы «Освобождение Труда» Л. Г. Дейча, бывшего в то время на каторге): он очень легко сходилась с молодежью».

Все чаще стала я заходить к Вере Ивановне для выяснения тех или иных возникавших у нас при занятиях вопросов. В это время она много занималась философией и не раз делала попытки и меня приохотить к ней. Читала она мне свою рукопись о I Интернационале, желая узнать, достаточно ли ясно осветила тот или иной вопрос, и вносила поправки, если что-либо было мне непонятно. Но наиболее приятные воспоминания оставили во мне наши с нею совместные прогулки за город.

Она передавала много эпизодов из своей жизни, а также других товарищей во время хождения в народ, и как живые вставали перед моими глазами образы этих апостолов социализма давно минувшего «героического периода» русской революции. Иногда она вспоминала свое детство и, между прочим, рассказала, что на выпускном экзамене она продекламировала стихотворение «Рыцарь на час» Некрасова, тогда еще не напечатанное, но ходившее по рукам в рукописи среди радикальной молодежи.

Кажется, редко встречалась такая женщина, в которой сочеталось столько любви к знанию и разнообразие умственных интересов с такой скромностью, застенчивостью и сердечностью, как это было у Веры Ивановны Засулич.

Однажды, во время такой прогулки, она предложила мне зайти к старому эмигранту Элидину, в другой раз — к одной из первых народниц, к Марье Аполлосовне Тургеневой, жившей в очень бедной обстановке со своим 13-летним сыном. Также и с Георгием Валентиновичем я зашла однажды в гости к Дебогорию-Мокриевичу, который после первых же слов приветствия накинулся на немецких социал-демократов, упрекая их в излишнем патриотизме и отсутствии революционности. Георгий Валентинович только отшучивался.

Кроме названных лиц да еще наборщика своей типографии Рольника (эмигранта, бывш. аптекарского ученика, настоящая фамилия которого была Левков), Плеханов и Вера Ивановна почти ни с кем более не встречались; они жили очень уединенно. Друг с другом они видались ежедневно, иногда по нескольку раз на день забегая один к другому. Георгий Валентинович всегда сообщал Вере Ивановне о предполагаемых им работах, обсуждал с нею их детали, выра-

батывал совместно планы. Вера Ивановна нежно и сильно любила своего младшего друга; глаза ее загорались радостью при всяком ярком проявлении им блестящего ума его и выдающегося таланта. А он относился к ней с глубоким уважением и чрезвычайным вниманием.

* * *

С той отрадной поры прошло почти четыре десятилетия. В последовавших затем скитаниях по России и Сибири мне довелось видеть и узнать более или менее близко много выдающихся людей, представителей 70-х и 80-х г.г.; редкие экземпляры духовной красоты проходили перед моими глазами, и все же они не могли не только изгладить из моей памяти, но и сколько-нибудь ослабить впечатление от необычайно ярких образов Г. В. Плеханова и В. Ив. Засулич.

Одесса, 14/XI — 1923 г.

Из фондов Российской национальной библиотеки